

НОА

— Бедная, — говорит Ноа, глядя на меня своими зелеными глазами.

Таких добрых зеленых глаз нет больше ни у кого — только у моей лучшей подруги. Обожаю ее! А она меня. Даже когда я в плохом настроении. А я ее люблю, даже когда она скучная и не хочет ничего делать. Мы похожи, как однойцовые близнецы. Обо всяких важных вещах мы думаем одинаково. Наше любимое животное — дельфин, и, когда мы вырастем, будем работать только с дельфинами. Мы всегда в одно время хотим писать и заболеваем одной и той же болезнью, и нам обеим нравится ковырять болячки. Я отковыриваю болячки Ноа, а она — мои.

Мой старший брат Лукас говорит, что мы одинаково противные.

Вообще-то Ноа зовут Нора, но когда я была маленькой, то не выговаривала «р». С тех пор все и стали звать ее Ноа.

Ноа знает обо мне все. А я — все о Ноа.

— Почему? — удивилась я. — Почему это я бедная?

— Ты разве не знаешь? — спрашивает Ноа.

— Нет. Не понимаю, о чем ты.

— Твоя мама скоро умрет. — Глаза у Ноа погасли, и от боли перекопилось лицо.

— Не умрет, — сказала я.

— Я вчера сама видела. В телешоу про рак. Хотя мама просила тебе не говорить.

Я внимательно посмотрела на Ноа, чтобы понять, шутит она или нет. Если это и шутка, то очень глупая. Но Ноа совсем не смеялась.

— Она сама так сказала — вчера по телику.

— Ничего она не говорила, — ответила я.

— Говорила, — сказала Ноа.

Глаза у нее были на мокром месте.

— Это твоя мама умрет, — сказала я и со всей силы толкнула ее.

Так сильно, что она упала в лужу. Потом я пнула ее ногой.

— Ненавижу тебя! — крикнула я. И пнула еще раз.

Ноа заплакала. Кто-то из одноклассников побежал за дежурным учителем.

Но я успела смыться. Подальше от Ноа. Прочь. Прочь.

Сердце билось как сумасшедшее.



МАМА

Все мамы сейчас на работе. Только моя все время сидит дома. Это началось, когда я еще ходила в первый класс. Мама говорит, что ее работа — выздоравливать. И любить меня днем и ночью.

Когда я прихожу из школы и бросаю рюкзак на пол в прихожей, я кричу:

— Привет!

— Привет, моя птичка, — кричит в ответ мама. — Хочешь чего-нибудь вкусенького?

Мама любит придумывать мне разные ласковые имена. Например, «любимчик» и «птичка». Или «смолушка» — потому что смола пахнет весенним лесом. И почти никогда не зовет меня моим настоящим именем — Леа.

Ну конечно, я всегда-превсегда хочу чего-нибудь вкусенького. И мама тоже.

Я почти не помню времени, когда мама была здорова. Все дни напролет мы радовались, ведь мама так меня любит. А тогда она любила еще и свою работу. Теперь работать мама не может. Зато мне она рада даже ночью, когда я просыпаюсь и прихожу к ней в кровать. Даже когда я теряю ключи от квартиры и физкультурную форму.

Иногда мама болеет сильнее обычного. Ее постоянно тошнит, у нее выпадают волосы, и она становится лысой, как рыба. Тогда я фломастером рисую ей красивые татуировки на голове. А потом она выздоравливает, и волосы снова отрастают. Когда мама здорова, мы всегда делаем кучу всего классного! Ходим в кино, в гости, путешествуем. Как бы мне хотелось, чтобы мама была здоровой всегда!

Мы с мамой мечтали, что поедем на Бора-Бора. Это остров во Французской Полинезии. Однажды мы увидели о нем передачу по телевизору. И вот, когда маме исполнилось тридцать шесть, мы с папой подарили ей поездку на Бора-Бора. Папа взял деньги в долг в банке, а я — у бабушки с дедушкой.

На прошлое Рождество, когда волосы у мамы отросли, стали седые и кудрявые (а раньше они были темные и прямые), мы отправились в путь. Всей семьей. Мы долго-долго летели на самолете, а потом поселились в хижине, что стояла на длинных бревнах прямо в воде. На ее крыше жили большие ящерицы, а еще там был стеклянный пол, так что можно было видеть рыбок, плескавшихся в океане.

Не было человека здоровее моей мамы, когда мы ныряли под воду и смотрели на коралловые рифы, переливавшиеся тысячами цветов. Когда загорали, когда плавали с гигантскими

скатами с бархатными животами. Мы даже дельфинов встретили. Ничего прекраснее я в жизни не видела, хоть и были они от нас далеко-далеко. И даже Лукас, который вечно на что-то злится и слушает музыку на полной громкости, запершись у себя в комнате, — так вот, Лукас был в хорошем настроении и по вечерам учил меня карточным играм. Мама и папа были как влюбленные: ходили за ручку и обнимались.

Мы с мамой купили цветастые платочки и носили их с платьями. А еще мы собирали гибискусы и прикрепляли их к волосам, как это делают полинезийки. Косынка у меня так и лежит с тех пор. Она по-прежнему пахнет морем, дельфинами, кораллами и счастьем. Никогда не буду ее стирать.

В последний день на Бора-Бора мы с мамой сидели на пристани и болтали ногами в воде. Внезапно она расплакалась.

— Что случилось? — спросила я.

— Ничего, птичка, — ответила мама. — Просто я самый счастливый человек на земле. Это ты сделала меня такой счастливой!

— Папа мне помог, — сказала я, потянувшись. Странно — когда чувствуешь себя самым важным человеком на земле, то словно вытягиваешься и становишься таким сильным, что можешь поднять письменный стол.

— Не забывай наше путешествие, — сказала мама. — Когда тебе станет грустно, вспомни, как мы болтали ногами в Тихом океане. Эти две недели были в сто раз лучше, чем пятнадцать скучных лет!

Всякий раз, когда мама так говорит, живот у меня сжимается от страха и становится камнем. Я не глупая и понимаю, что она имеет в виду.



У мамы рак, от этого умирают. Я понимаю, о чем говорят взрослые, когда думают, что я не слышу. — Но ты ведь уже поправилась, правда? — спросила я.

— Прямо сейчас я самый здоровый человек в мире, — ответила мама и прижала меня к себе. — Но если врачи не изобретут нужное лекарство, я никогда не поправлюсь. Ты знаешь.

— Знаю, — прошептала я и прижалась к ней изо всех сил. Ненавижу мамину болезнь, которая прячется где-то глубоко в ней. Ненавижу врачей, которые никак не изобретут правильное лекарство.

На Бора-Бора мы были год с небольшим назад. Оттуда мы поехали в Новую Зеландию — навестить маминого младшего брата Лассе. Мне там пришлось говорить по-английски: мои двоюродные братья не знали шведского. Они вообще были не особо разговорчивыми. Первому всего три года, а второму — вообще один.

В Новой Зеландии было хорошо, но с Бора-Бора ничто не сравнится. Мы с Ноа переедем туда, когда вырастем.

Когда мы вернулись домой, мама опять заболела и растеряла свои кудрявые волосы. На ее гладкой голове я нарисовала скалу (получилось так себе), дельфина и голубую полосатую рыбу. Я хотела, чтобы мама чаще вспоминала о нашем путешествии, чем о своей болезни. И я тоже.

Гораздо веселее думать про Французскую Полинезию, чем про рак.

БУДУ НЕНАВИДЕТЬ НОА

Бабушка с дедушкой были у нас, пока мама с папой ездили в Стокгольм на телешоу про рак. Когда я вернулась из школы, мама сидела на диване и писала что-то в своем ноутбуке. Из носа у нее торчали трубки — они ей помогали дышать.

— Смолушка, ты уже дома? — удивленно спросила она.

— Да, — буркнула я, пронеслась мимо и поднялась в свою комнату.

— Давай съедим что-нибудь вкусненькое? — крикнула мама мне вслед.

— Нет! — сердито крикнула я и хлопнула дверью.

Не знаю, на кого я злюсь больше: на Ноа, маму, папу или бабушку с дедушкой, которые не дали мне посмотреть телешоу про рак. И зачем его видела Ноа? Это несправедливо! Ведь это была передача про мою маму, а не про ее. Противная, глупая Ноа.

Я так зла, что швыряю на пол фотографию, стоящую на комод. Стекло в рамке треснуло, как мое сердце. На фотографии мы с Ноа в футбольной форме — стоим в обнимку. Мы улыбаемся. Мы только что выиграли важный матч. Я разорвала фотографию на кусочки. Я ужасно зла на

Ноа. Разве лучшая подруга может сказать, что твоя мама умрет?

Вдруг я понимаю, что, пока я буду ненавидеть Ноа, мама не умрет.



ДЫХАНИЕ, СКРИП РУЧКИ И СТУК

Мама поговорила по телефону, я слышала ее шаги на лестнице. Шла она медленно. По дороге пару раз останавливалась, чтобы перевести дыхание. Когда мама поднимается по лестнице, да и просто вверх по дороге, то задыхается.

Мама постучала в мою комнату. Она единственная в нашей семье, кто ждет, пока я скажу: «Можно». Папа стучит и сразу открывает. Лукас просто распахивает дверь, входит и берет то, что ему нужно. Чаще всего — мою зарядку для телефона. Свою-то он вечно теряет.

А я к нему в комнату не захожу никогда. Если он дома. Когда его нет, захожу. Мы с Ноа приходим туда и все рассматриваем. В последний раз мы нашли у него в ящике пачку сигарет. Теперь я все думаю, а вдруг у Лукаса тоже будет рак? Может, стоит сказать маме с папой? — Входи, раз уж тебе приспичило, — ответила я на стук.

Мама открыла, вошла, села на мою неубранную кровать, перевела дух. Я делала вид, что ее не замечаю. Ненавижу ее вздохи, они звучат ужасно. Ну почему она не может быть как все остальные мамы? Здоровые, с волосами на голове, которые



ходят на работу, а не сидят с трубками в носу и противно дышат.

Я раскрыла свой блокнот, начала рисовать. Когда я злая или грустная, я всегда рисую.

И когда радуюсь — тоже. Я вообще люблю рисовать, если хорошенько подумать.

— Звонила фрекен Анна, — сказала мама, отдышавшись. Это моя учительница.

— И? — я продолжала рисовать, не поднимая головы.

— Она сказала, что вы с Ноа подрались.

— Это неправда. Мы не дрались, я просто ей врезала.

— Расскажи, как было дело, — попросила мама.

— Нет, — ответила я, рисуя.

В тишине раздавались мамино дыхание, скрип ручки и стук моего разбитого сердца.

Рисунок получился ужасный, я порвала его и скатала шарик.

— Иди ко мне, — сказала мама, похлопав по кровати рядом с собой.

— Нет, — ответила я.

Я долго сидела за столом и смотрела в стену. Смотрела, пока глаза не забыли, как моргать. Смотрела, пока не потекли слезы. И тогда я обернулась.

— Мам, ты умрешь? Так Ноа сказала. И спасибо, что выступала по телевизору. Теперь весь мир

знает, что у тебя рак. Ты не подумала, что меня это расстроит?

— Смолушка, детка моя, — мама грустно посмотрела на меня. — Я же выступала, чтобы собрать денег на исследования болезни.

— А как же я? Может, мне не хочется, чтобы моя мама рассказывала всему миру, кроме меня, что она должна умереть!

Я держалась изо всех сил, но все же расплакалась. — Прости, — сказала мама. — Прости. Я не говорила, что умру.

Я не знала, верить ей или нет.

Мы забрались под одеяло. На пододеяльнике были нарисованы «Звездные войны». Самый красивый пододеяльник в мире! По крайней мере, так думаем мы с мамой.

Мы немного полежали молча. В саду пела птица. Кажется, дрозд.

— Ты умрешь? — спросила я, глядя на маму, лежавшую с закрытыми глазами. — Это правда?

— Мы все когда-нибудь умрем, — ответила мама. — И никто не знает когда.

Она обняла меня, я уткнулась лицом в ее шею.

— Я не хочу, — сказала я.

— Знаю, — вздохнула мама.

— А ты хочешь?

Мама погладила меня по щеке.

— Нет. Я хочу увидеть, как ты растешь. Больше всего на свете.



— Даже больше, чем мира на Земле? — спросила я.
— Да, — ответила мама. — Правда, ужасно?
— А я хочу этого больше, чем чтобы дети на Земле не голодали, — сказала я. — Правда, ужасно?
— Ага, — ответила мама.
— Тогда выздоровей, пожалуйста, — прошептала я.
— Я стараюсь. Если б ты только знала, как я стараюсь.
Мы лежали молча, смотрели друг другу в глаза.
Пока наши с мамой глаза не заполнили все вокруг.

АЛЬМА И РАГНАР

Мы живем в типовом коттедже. И Ноа тоже. Наши дома почти одинаковые, хотя и расположены на разных улицах. Моя мама и мама Ноа тоже дружат. Маму Ноа зовут Надя. А папу — Йенс. Он живет в городе со своей девушкой.

Правда, здорово, когда твоя мама дружит с мамой твоей подруги? Точнее, было здорово, пока я не возненавидела Ноа. Мы вчетвером делали всякие классные штуки. Ходили в кино, устраивали девичники, прыгали в машину и мчались куда глаза глядят. Надя и мама совсем как маленькие, хуже нас. Таких во всем мире не сыщешь — вечно хихикают над всякими глупостями. Даже стыдно за них.

А теперь стыдиться не надо. Больше мы ничего делать вместе не будем.

Я посмотрела в окно и увидела, что к нашему дому идут Ноа и Надя. Ноа подняла взгляд, но я успела спрятаться.

Я сбежала по лестнице и бросилась на задний двор. Там были небольшая площадка и сад. Мы всегда обедали на улице, если было тепло. От соседей нас отделяла живая изгородь. Летом она покрывалась зеленой листвой и приятно пахла. Зимой она становилась колючей и не пахла ничем.

Когда я перелезала через нее, то ободрала коленку, промочила ноги и перемазалась глиной.

Я открыла дверь к Альме — у нее не бывает заперто. «А зачем запирается? — говорит Альма. — Ведь у меня есть Рагнар». Но представить, что Рагнар защитит ее от воров, трудно. Это самая толстая такса в мире, она похожа на батон с четырьмя ножками.

Альма сидела в своем кресле, куда запрещено садиться кому-либо еще, и смотрела телек.

Альма детей не любит, она мне сама говорила. Но ничего не имеет против, если я прихожу к ней, когда, например, забываю ключи от квартиры, а дома никого. Ведь я могу помочь ей собирать пазл.

— Пришла? — спросила Альма.

— Ага, — ответила я. — Сами видите.

Мы молчим. Альма смотрит викторину «Кто больше знает» и отвечает на все вопросы. Она знает практически все. А я знаю только то, что ни мама, ни Надя не заставят меня помириться с Ноа.

Никогда-никогда.

— Вы смотрели телешоу про рак с мамой? — спросила я.

— Разумеется, — Альма печально покачала головой.

— Похоже, смотрели все, кроме меня, — ответила я.

— Скажи спасибо, — буркнула Альма.

— Даже Ноа смотрела. Разве это справедливо?

— Я что, похожа на Бога, который все знает?! — проворчала Альма и вразвалочку направилась в кухню. Рагнар потрусил следом. Походка у них была одинаковой.



— Да! Вы же знаете ответы на все вопросы в «Кто больше знает».

— Это просто, — ответила Альма, когда я появилась на кухне. — А вот в людях я совершенно не разбираюсь.

Альма делала огромные бутерброды с паштетом — себе и Рагнару.

— Хочешь? — спросила она.

— Нет. Спасибо, — ответила я, увидев в окно, что Ноа и Надя наконец-то ушли. Со спины Ноа выглядела ужасно грустной. Возможно, потому что шел дождь.

— Где же ты была? Мы тебя обыскались, — сказала мама, когда я появилась дома в ботинках, измазанных глиной.

— У Альмы.

— А почему ничего не сказала? — спросила мама.

Я пожала плечами.

— У нас в семье ведь не принято предупреждать.

— Приходила Ноа, — сказала мама.

— Правда? — я попыталась изобразить удивление.

Не знаю, получилось ли, потому что мама покачала головой и грустно посмотрела на меня. Я посмотрела на нее так же.

— Я не буду дружить с Ноа только потому, что дружите вы с Надей.

— Ноа очень расстроилась. Она хочет помириться.

Я зажмурилась.

— Чего ей расстраиваться? Ее-то мама не должна умереть.

У мамы был такой вид, будто я ее ударила. Но я не просила прощения. Я не виновата, что она заболела и, возможно, умрет. Я побежала вверх по лестнице, хлопнула дверью и бросилась на кровать.

Под подушкой лежало письмо. На нем было написано «Лее». Я сразу узнала почерк Ноа.

«Леа, пожалуйста, давай помиримся. Прости, что сказала такое про твою маму. Я не хочу, чтобы она умерла. Она мне как родная. Прости меня, очень прошу! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!!! Я себе места не нахожу и плачу все время. Зачем я только посмотрела эту передачу.

Твоя лучшая подруга

Ноа»

Я скомкала письмо и швырнула его в корзину для мусора. Но потом пожалела, достала его и прочитала еще раз.

Мне тоже хотелось плакать. Но слез не было.

Могут ли слезы закончиться?

ТЕЛЕШОУ

Я науглила то телешоу про рак и стала его смотреть. Вскоре на экране появилось мамино лицо. Я нажала на «стоп». Мне хотелось и одновременно не хотелось смотреть. Я попеременно нажимала на «стоп» и на «плей». По затылку побежали мурашки — как будто у меня завелись вши. С экрана смотрела мама с сильно накрашенными глазами.

Я постучалась к Лукасу. Похоже, они с Аббе играли на компьютере, и стука просто не услышали. С риском для жизни я раскрыла дверь и вошла. Лукас был так увлечен игрой, что даже не бросил в меня чем-то тяжелым.

— Привет, — сказал Аббе и улыбнулся.

— Чего тебе? — спросил Лукас и выстрелил в канистру бензина, которая взорвалась.

— Ты видел передачу про рак?

— Да, — ответил Лукас.

— Думаешь, мне надо ее смотреть?

— Нет, — ответил Аббе. — Не смотри. Ты очень расстроишься.

Лукас повернулся ко мне и соорудил самую грозную физиономию, на какую способен старший брат.

— Если узнаю, что ты ее посмотрела, ты у меня получишь.



— Но все, — сказала я, — все-все уже посмотрели...

— Да плевать на всех, — ответил Лукас.

Я торчала в его комнате, пока меня оттуда не выставили, то есть секунд тридцать. Когда я вернулась к себе, экран монитора погас.

Прав Лукас, плевать на всех. Плевать на всё.

Для начала я наплевала на домашку по английскому, хотя завтра у нас намечалась контрольная. Оказалось, что плевать на все, с одной стороны, приятно, но с другой — как-то беспокойно.

— Hello, — сказала я самой себе. — My name is Lea and I shit in all.

— Правильно говорить I don't give a shit, — сказал папа. Он заглянул в мою комнату без стука.

Я посмотрела в окно. Смотреть было особо не на что: уже стемнело.

— Мы с мамой просто хотели оградить тебя от плохого, — сказал папа. — Это наша обязанность. Но если так хочешь посмотреть эту передачу, можем сделать это вместе.

— Спасибо, не надо, — ответила я. — Лучше какой-нибудь фильм.

Морщины у папы на лбу разгладились.

— Тогда пошли, — сказал он.

Я легла на кровать вместе с мамой.

Мы смотрели комедию. В нашей семье любили смеяться. Но в тот вечер всем было не смешно.



ВЕЛОСИПЕД И ЗАНАВЕСКА

Каждый день Ноа проезжала мимо моих окон. Я пряталась за занавеску, чтобы она не подумала, будто я исподтишка наблюдаю за ней. Ничего подобного. Просто я хотела знать, проезжает она мимо или нет. И так каждый день.

Сколько можно! Есть у меня дела поважнее, чем ждать, пока она проедет. Но не могу же я ей об этом сказать. Мы ведь не разговариваем — ни в школе, ни по телефону. Никак. А раньше болтали без умолку.

Иногда я набираю номер Ноа, но все же не звоню ей. Единственный номер, который я знаю наизусть. Я помню, что должна ненавидеть ее, но, как назло, продолжаю по ней скучать.

Ноа повернула у дома Альмы и медленно проехала под нашими окнами.

Я спряталась за занавеской.

Занавески у нас в белый горошек. У Ноа такие же. Мы покупали их вместе, когда устроили девичник в городе. Мама и Надя собирались пойти на концерт — послушать свою любимую группу. Если честно, я думаю, мама больше влюблена в солиста этой группы, чем в папу. К счастью, солист совершенно не влюблен в маму. Довольно



неприятно, когда родители влюблены в кого-то еще. Как, например, папа Ноа.

Мы с Ноа тайно влюблены в Аббе. Я за компанию, потому что Ноа меня попросила. А вот она по правде. Аббе — лучший друг Лукаса. Мы держим все в тайне, Ноа говорит, что умрет со стыда, если он узнает. Я подумала, не рассказать ли об этом Аббе. Чтобы Ноа умерла со стыда. Это будет справедливо.

Я-то знаю, что такое умирать от стыда. Например, когда надо купить тампоны для мамы. А вдруг кто-то подумает, что я беру их себе! Еще стыдно, когда мама выкладывает наши

с Лукасом фотографии в соцсетях. Кто угодно может увидеть меня в уродской пижаме! У мамы пять тысяч подписчиков, и они ставят лайки каждой фотографии. А у меня только один подписчик, если не считать Ноа, маму, бабушку и дедушку (которые ставят мне сердечки всегда, так что это не в счет).

Подписчик этот — Конрад из моего класса. Ноа как-то сказала, что Конрад в меня влюблен. Но откуда ей знать? Конрад рыжеволосый, у него тысяча веснушек, и он очень добрый. Мы часто

играем вместе — я, Ноа, Конрад и Улле — во всякие игры в телефоне, в футбол или просто смотрим смешные ролики на ютьюбе. По крайней мере, смотрели раньше. Пока я не начала ненавидеть Ноа.

Я давно уже много чего не делала. Особенно того, что я очень люблю.

МАТЧ

Обычно мы запросто выигрываем у «Трактора», но, когда в первом тайме судья свистнул, они вели со счетом 3:1.

Наш тренер Хассе уставился на меня.

— Что с тобой? Пропускаешь все пасы от Ноа.

Я пожалала плечами и опустила глаза. Пол был грязный. Если ходить по нему босиком, все ноги будут в бородавках.

— Они с Ноа поссорились, — сказала Пернилла Ябеда Ульсон.

— Какого черта! — выругался Хассе. — Что за детский сад? Мне на площадке эти фокусы не нужны!

Никто не ругается так много, как Хассе. Он ругается на нас, на судей, на другие команды и на родителей, которые суют свой нос куда не надо. Особенно часто он ругается, когда они жалуются, что он ругается. Но мы обожаем Хассе: это лучший тренер в мире, и пусть ругается сколько хочет. Его любимые ругательства — «черт», «блин», «вот дерьмо» и «твою мать». Последнее мне говорить строго запрещено, а Хассе чаще всего говорит так о судьях.

— Ну что за чертовы девки! — злился Хассе, засовывая себе под губу подушечку снюса, хотя одна там уже была. Он посмотрел на нас как самый суровый тренер.

— Вообще-то мы не девки, а девочки, — ответила Айла.

— Sorry, — сказал Хассе и уставился на нас с Ноа. — В свободное время можете кривляться сколько угодно, а здесь будете делать то, что я скажу. А ну быстро пожали друг другу руки — и вперед, обыгрывать «Тракторов».

Я упрямо смотрела на щитки у меня на ногах. Затем подтянула гольфы, завязала шнурки на бутсах. Ноа пыталась прожечь во мне взглядом маленькие дырочки. А Хассе — большие. Моя красно-черная футболка уже почти полыхала.

— Леа, — сурово сказал Хассе.

— Что? — спросила я, не глядя ему в глаза.

— Ну-ка живо пожалала Ноа руку.

— Я готова, — сказала Ноа и протянула мне руку.

Как просто было бы протянуть руку в ответ. Но я этого не сделала.

— Нет, — прошептала я.

Мои руки весили две тысячи тонн.

— Ты портишь всю игру! — сказала Айла.

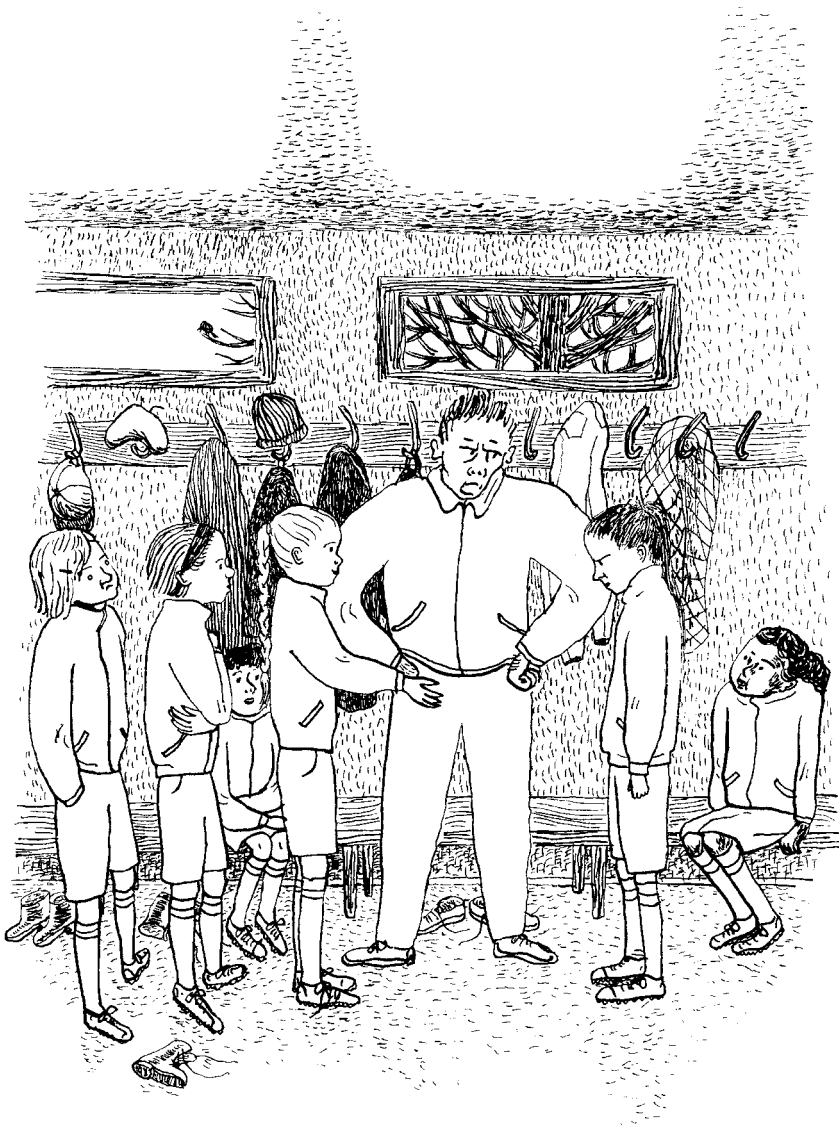
— Вот именно, — поддакнула Пернилла Ябеда Ульсон.

Все их поддержали. А у Вильмы был такой вид, будто она меня ненавидит.

— Лучше мне не играть, — сказала я.

Я ушла на негнущихся деревянных ногах.

— Леа, черт побери! — крикнул Хассе. — Сейчас же вернись! Ты нужна нам.



Это я и без него знала. В нашей команде я — Марта Виейра да Силва*. Я всегда забиваю больше всего голов. И чаще всего мне пасует Ноа. Но теперь пусть Ноа найдет себе другую подружку. Мне на них наплевать.

— Леа! — снова крикнул Хассе. — Вернись! Впереди второй тайм!

Я даже не обернулась. Просто ушла. Так им и надо. Но меня хватило на две минуты.

— Что случилось? — спросил папа, когда я уселась рядом с ним на трибуне.

Папа наш большой фанат. Он и мама Вильмы. Они смотрят все наши матчи.

— Я больше не буду ходить на футбол, — сказала я, глядя, как Ноа делает пас Вильме, а та не может забить гол, стоя прямо у ворот.

— Что значит «не буду»? — папа смотрел так, будто заговорила по-фински. — Футбол — это твоя жизнь.

— Да кому, твою мать, нужен этот дурацкий футбол?

— Леа! — воскликнул папа и как никогда серьезно посмотрел мне в глаза.

* Бразильская футболистка, одна из лучших футболисток мира.